

Русский барин с европейским уклоном

200 лет со дня рождения Ивана Киреевского, подлинного славянофила

Николай Александров

Его наследие совсем невелико: несколько статей, несколько прозаических произведений. Он не стал издателем, он не сделал карьеры. Герцену Киреевский виделся неудачником, что-то «вдовье» Герцен читал в его лице. По темпераменту, по внешнему блеску, по влиянию Киреевский явно уступал другим славянофилам, Алексею Хомякову например, о котором тот же Герцен пишет с совершенно другой интонацией и нескрываемым восторгом. «Воля родится в тайне и закаляется молчанием» — этот тезис Киреевского, по существу, основа его жизненного пути. Его подвиг внутреннего делания не всем был заметен. Так же как сегодня его славянофильство мало кому ведомо. Киреевского, полузапрещенного в советское время, и до сих пор вспоминают или как участника московского кружка «любомудров», или как духовного сына оптинского старца Макария. Иными словами — или как дворянского интеллигента, или как убежденного православного. Или как славянофила, не вполне понимая, что это такое. Впрочем, славянофильство вообще сегодня довольно общий термин, содержащий в себе смыслы, которые Киреевского явно уstrasили бы.

По образованию и воспитанию Киреевский был баринoм и европейцем. Его отец Василий Иванович был убежденным масоном и с увлечением занимался химией, однако при этом ставил провинившихся чиновников на поклоны, говоря, что нерадение по службе есть вина перед Богом. Его мать Авдотья Петровна Елагина, племянница Василия Андреевича Жуков-

ского, увлекалась французской литературой, переводила из Жан-Поля и Гoфмана, отчим — Алексей Андреевич Елагин был знатоком и почитателем немецкой философии. И в самом Киреевском интерес к философии пробудился очень рано. Философия (причем в лице таких корифеев XIX века, как Шеллинг и Гегель, их лекции он слушал за границей) его интересовала как способ постижения сущностного содержания народной жизни. «Киреевский не придавал решительного значения природным или врожденным свойствам народа», — писал Георгий Флоровский. И в этом его отличие и от народников XIX века, и от нынешних славянофилов. От последних его отличает и отношение к Западу. Вовсе не случайно журналу, который он намеревается издавать, Киреевский дает название «Европеец». Для Киреевского культурное наследие Европы — безусловная ценность. «Можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь силой истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет». Оказалось, что можно...

Просветительский пафос оставался в нем на протяжении всей жизни. «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» символично называется одна из его программных статей. Он отнюдь не стремился, как обычно применительно к славянофилам утверждает школьное знание, к «восстановлению» былых, умерших форм русской жизни, допетровской Руси. В подобном повторении нет смысла, да оно и невозможно.

И этот романтик, пришедший к православию, этот барин, склонный преда-

ваться лени, лежа на диване с трубкой и кофе, этот меланхолический насельник Оптиной пустыни, с увлечением работающий над изданием отеческих творений, сам сегодня видится символом навсегда утраченного прошлого, прежних, «допотопных» жизненных уставов, к повторению которых стремиться бессмысленно. Хорошо бы хоть помнить о них. В особенности, когда речь заходит о народе, народности, почвенничестве, евразийстве, враждебном Западе и прочем.

